

ВСТУПЛЕНИЕ

Передо мной крохотная книжечка в зеленой обложке. В углу ее Владимирский трезуб и надпись «За Россию». С волнением листаю тонкие странички. Мелькают строчки петита. Оживают давно ушедшие годы. Вспоминаются забытые образы и картины, страстные, полные восклицательных знаков речи, горящие лица и искрящиеся глаза. Я в гостях у своей молодости.

Огромное, непреодолимое расстояние между мной настоящим и белградским эмигрантом начала 30-х годов. Нас разделяет богатая событиями, радужных надежд и трагических разочарований жизнь, в результате столкновения с фактической действительностью. Словно от киноленты, пущенной назад, проносятся в памяти события в обратном порядке. Я погружаюсь вглубь ушедших десятилетий...

★ ★ ★

Более 30 лет НТС ведет свою деятельность. Если не считать предорганизационного периода, то оформление эмигрантских отдельных кружков молодежи в разных странах русского рассеяния в организацию и их активную деятельность следует отнести к периоду съездов 1932 и 1934 годов в Белграде. Да, тогда это была молодежь. Основные ее кадры составляло студенчество.

Теперь у всех оставшихся в живых, кто начинал, побелели головы, а жизнь высекала на лицах морщины.

На протяжении многих лет пребывания в Советском Союзе мне пришлось выслушать достаточно нареканий в адрес НТС.

Я не стану идеализировать и возводить над членами ореол абсолютной святости. Конечно, мы были люди и человеческое нам не было чуждо. Случались в организации элементы тщеславия, позы, интриг и корыстолюбия. Так, казначей Павел Садовников был несомненный вор и недурно прожил ряд лет, нигде не работая, обворовывая кассу, составлявшуюся из скудных взносов членов и пожертвований благотворителей. Были у нас и флирты с женами товарищей и измены, но все это жизненно: у человека по соседству с ангелами обязательно совьют гнездо чертенята.

Уроки жизни многое изменили. Немало произошло и перемен. Накопились и коренные расхождения между нами. Я теперь целиком включился в советскую жизнь вместе с 200 миллионами моего народа. И все же я ловлю себя на чувстве неизжитых личных симпатий ко многим из членов НТС. Пусть ни к таким, каковы они сегодня, а какими я их знал в годы нашей молодости. Я помню рассеянного студентика в очках, вечно углубленного в книгу, все теряющего и неуклюже наступающего на ноги, Неймирока. Я помню с длинными волосами, наминавшего собой отошедших семи и восьмидесятников, полного идейной жажды, с восторженным лицом и искрящимися глазами, Ю. А. Герцога. Точно живое перед моими глазами стоит отважное лицо покойного Александра Колкова.

Я помню честную фигуру К. Д. Вергуна. Он смеялся тем особым смехом, который бывает у людей, не испытывавших компромисса с совестью.

Горячее балканское солнце, пляж на Саве, шлюпка «Охотник». Среди купающихся хрупкая фигурка, далекой от политических интересов Машуты Дурново, с оскалом крупных зубов и картавящей. Добрые глаза тучноватой Ары Ширинкиной, типично русской девушки с толстыми косами, сплетенными вокруг головы, всегда готовой кому-то

помочь, лишь бы помочь, без отчета приведет ли движение ее жаждущей добра души к добру или злу. Вечно хнычущий и жалующийся на беспорядок Глебушка Бердников, его талантливый, державшийся особняком, брат Александр. Чистое лицо прямого и честного Ивана Ячменева. С апломбом, не лишеного позы, умное лицо, всегда полуголодного Г. П. Перфильева. Скромный Павел Воропанов, неутомимый работник Исполнительного бюро... И многие, многие другие. Эти лица всегда мне останутся дороги и некая душевная ниточка, связывающая и роднившая меня с ними никогда не порвется, сколь бы я не считал себя безраздельно советским человеком. Быть может, оттого, что с этими людьми я впервые почувствовал и нашел свое место в жизни и понял прелесть служения идее. Ведь мы горячо верили и были преисполнены таких высоких намерений.

По моему убеждению, эти люди способны ошибаться, ошибаться глубоко, как ошибался и я, могут завязнуть, благодаря окружающей среде и принятой однажды инерции движения, в грязную политическую тину, но я не верю, не могу и не хочу верить, что они способны на сознательный вред родине и что ими руководит голос голого честолюбия или выгоды.

И что бы с ними не случилось, попади они, — нарушая закон, а закон есть закон, — в заключение, то как гражданин я приму эту необходимость. Но как частное лицо постараюсь посылить им и словом утешения, и материальной поддержкой и всем, что допустимо правилами. И если они, по непониманию, в оплату моих симпатий вынесут ко мне неприязнь, тем хуже для них. Это лишь докажет в ком из нас жили лучшие чувства друг к другу.

А советские люди, которым доведется прочесть мои строки, пусть не судят меня строго. Я знаю, для них эти люди — враги, чему они служат и во что они

верят. Что ж, они хорошие патриоты. Но человеческое сознание обуславливается окружающей средой.

Мир ныне разделился на два лагеря. Человечество еще не похоронило старых понятий. Мы свидетели, как в данную эпоху происходят столкновения философских, религиозных и социальных воззрений.

Новые люди дерзко бросили перчатку законам, «данным Адамом и Евой». Если им повезло родиться и жить в новой среде и приобщиться к величию новой эпохи, то не надо безоглядно бросать с плеча камень в тех, кто ходом вещей с детства был выброшен за борт родины, и чье сознание, оторванное от родной земли, оказалось в плену воззрений отживающего мира. Особенно теперь, когда советские люди победили. Следует понять, что, оторванные от родины, они могли служить искренне и не видеть, что служат призраку.

Однако, как бы ни были доброжелательны мои чувства ко многим членам НТС и как бы они сами по себе хороши ни были, но нельзя упускать главного, что привело нас к созданию организации. Наше объединение и чувства друг к другу не были самоцелью. Они являлись только средством служения более высокому идеалу — правде.

«Платон мне дорог, но истина дороже». И вот сейчас, с седой головой и больным сердцем, имея за спиной немалый опыт, и все еще охваченный желанием служить только правде, которой я отдал столько лет, я пишу эти строки.

★ ★ ★

Итак, во имя правды мы отдались борьбе. Но как далеки были наши представления от тех сурпризов, что ждали нас в дальнейшем. Тогда для нас Советский Союз был «терра инкогнита». Мы мечтали разгадать, что творится за запертой для нас и заветной границей. Интересовала нас не только экономическая сторона. Главное, нас интересовал тот

психологический процесс, который последовал в душах нашего народа. Желание этой разгадки и жажда борьбы были одним из главных двигателей, ради которых я лично добровольно не уехал при продвижении советских войск на запад, а повернул курс на восток. За свое желание я впоследствии заплатил непомерно большой ценой страданий личных и моих товарищей, оказавшихся рядом со мной в этой обстановке. Зато мы прощупали биение пульса, мы увидели то, что нас так страстно манило. Много пришлось повидать. Во многом убедиться и еще в большем разочароваться. И вот перевалив со всеми тяжестями этот Памирский хребет, я считаю, что надо быть абсолютной дубиной, а не живым человеком, чтобы и в 1964 году жить на уровне интересов «Ранка-Пуста». (Так шутливо называли мы общую квартиру членов НТС, в Белграде, на Ранковой улице. Само название взято в подражание «Янка-Пуста», где воспитывались террористы, убившие в Марселе в 1934 году короля Югославии Александра).

Да, мы обязались служить правде. Поэтому не к лицу нам прикрывать кисеей то, что давно является секретом Полишинеля.

★ ★ ★

Формально я выбыл из НТС в марте 1940 года. С приближением войны некоторые из членов стали задумываться и отходить от организации. Вышел Г. П. Перфильев, бывший председатель Югославского отдела, отдалился, вскоре после меня, генеральный секретарь Исполнительного бюро проф. М. А. Георгиевский, прекратил принимать участие и выехал из Германии председатель германского отдела С. А. Субботин и др. Однако, мой выход скорее можно объяснить формальной стороной. Вопрос касался скорее практических методов ведения борьбы и ее целесообразности, чем принципа. К этому

примешались, возможно, резкость моего поведения и личные интриги второстепенных членов, поощряемых В. М. Байдалаковым, раздутием персоны которого незадолго перед войной я высказывал недовольство. Во всем остальном я оставался непримиримым к советской власти и мыслил категориями организации ничуть не меньше активных ее членов. Насколько я по складу мышления оставался энтезосовцем, доказывает одно курьезное совпадение.

В 1951 году, находясь в местах заключения на севере, при попытке создания мною с другими членами НТС, — Оксюзом и Китайсковым, — антисоветской организации, руководящая ячейка ставила вопрос о названии. Об НТС, Национально-Трудовом Союзе и его деятельности из остальных участников никто не имел ни малейшего представления. И вот после долгих обсуждений пришли к названию «Все-российский Народно-Трудовой Союз» (ВНТС). Через несколько лет, независимо от этого, за рубежом, Национально-Трудовой Союз был переименован в Народно-Трудовой Союз. Вот до чего рефлексы и схемы мышления у нас оставались идентичны. (В шутку говоря, мы бы могли возбудить претензию на плагиат. Но мы охотно отдадим патент на название и откажемся от авторства. Больше оно мне и моим товарищам, уверен, не понадобится).

И не только это. Еще за рубежом многие члены не согласились с моим исключением из НТС, в частности, Околович и др.

При встрече с некоторыми из них в России, как-то с Оксюзом, Ковальчуком, Китайсковым и другими, никто из них не признал моего отчисления от организации и обращались ко мне за консультацией по всем вопросам идеологии и действий.

Дальнейшая моя антисоветская деятельность в духе НТС уже на территории Советского Союза, согласно устава, дает неоспоримое право поднять те вопросы, которые мне диктует долг.

Предупреждаю, не надо дезертировать от ответа избитым приемом, сманипулировав из меня «большевицкого агента». Это нечестно.

Ни годы изоляции, ни риск расстрела не сломили меня. Не только я, но и те, кто шел рядом со мной и знает мою подноготную в любых критических положениях на подпольной работе, поведение на следствии и перед судом и трибуналом, не только возмутятся, но ответят вам оскорблением.

Я просто не вправе скрывать то, в чем пора объясниться. Этого требует правда. Этого требует наш долг перед теми, кто ушел «туда» в угоду наших утопий и безрассудно погиб. Вообще назрело время протереть губкой наши отношения.

ПОЧЕМУ БЫЛА СОЗДАНА ОРГАНИЗАЦИЯ НТС

Организация НТС, тогда еще НСНП (Национальный Союз Нового Поколения), затем НТСНП (Национально-Трудовой Союз Нового Поколения) зародилась в результате неудовлетворенности нового поколения за рубежом, в основном, не причастных ни к политическим партиям времен революции, ни к гражданской войне.

Перед молодежью конца 20-х и начала 30-х годов во всю ширь встал животрепещущий вопрос, **чем жить и во имя чего жить**. Как могло случиться, что мы, дети великой страны, очутились выброшенными за борт родины, обречены жить отдельно от народа и существовать в чужих землях на унижительном положении нежелательных гостей и прихлебателей? Мы задыхались от бессмысленного существования. Наша жизнь напоминала срезанный цветок, поставленный в воду: мы могли, правда, издавать легкий запах в комнате, не более, но у нас не было ни корней, ни питающей родной почвы, ни

перспектив дать семена. Одновременно многим из нас пришлось хлебнуть материальную нужду и безработицу. Иностранцы, в первую очередь, заботились о своих. С другой стороны, культура Запада, с ее показной мишурой и мещанским убожеством интересов, бросалась в глаза при сравнении с духовным богатством нашего народа. Русские люди, до знакомства вплотную с Западом, были опьянены им, но попав за границу без валюты и защиты могучей России, быстро отрезвели. Запад представился во всем его обнаженном безобразии, с его алчностью и узостью мещанских интересов. Это заставило русскую молодежь за рубежом еще сильнее тянуться к родине.

В то время представители старшего поколения, очутившись в эмиграции, уже являли собой жалкую картину. Я не хочу касаться ихтиозавров, закостенелых в реакции. Эти люди проспали историю. Они называли друг друга по былым чинам. Бывший губернатор так и продолжал называться губернатором и требовал, чтоб его величали — ваше превосходительство. Они не сомневались, что им вернут дома и имения и спорили, при том искренне, о должностях, которые заранее между собой распределяли. Играла, если хотите, роль и классовая сторона. Они не могли отказаться от былых привилегий, как не могли согласиться с тем, что отныне будут управлять люди из народа. Они предпочитали иногда сознательно погружаться в сказку, чтобы спрятаться от печальной правды: выброшены за борт. Трудно привилегированному человеку добровольно согласиться с тем, что для него привилегии потеряны навсегда и смириться с убогой ролью всеми презираемого апатрида.

Однако, и остальная часть эмиграции являла собой заколдованное царство. Они шарахались от анализа действительности, предпочитая в адрес ее отделяться руганью и клеветой. Вместе с тем, ру-

гая голословно большевиков на чем свет стоит, эмиграция оставалась абсолютно безграмотна в элементарном познании хотя бы доктрины того, кого считали врагом. За небольшим исключением, вроде академика П. Б. Струве, мало кто был знаком даже с азбукой марксизма. Эмигрантская печать и мысль в большинстве обходила эту сторону. Они предпочитали ругать большевиков и только.

Авторитет старшего поколения в глазах зарубежной молодежи был подорван. Мы не могли не учитывать и провала царской России и гибели белого движения.

Редко когда так резко выпячивался вопрос «отцов и детей». Мы не могли сказать про себя стихом Некрасова:

«Благо наследие богатых отцов
Освободило от тяжких трудов».

Зато уместнее в данном случае подходили известные лермонтовские слова:

«Насмешкой горькою обманутого сына
Над промотавшимся отцом».

Нас, требовавших действий, отталкивала болтливость «отцов» при абсолютной инертности. Они, не видя вплотную стоявших задач современности, прятались в прошлое, занимались химерами вроде — что пригоднее после падения большевиков в России (падение большевиков считалось чем-то бесспорно неизбежным и само собой разумеющимся), — монархия или республика.

И не только отсутствие трезвой оценки настоящего и их рутинная отталкивали нас от них, а и бесчисленные взаимные склоки, беспочвенные претензии и то, что у них, — «каждый себя самолюбием изучил» и, наконец, тупая самоуверенность в личной непогрешимости при очевидном банкротстве.

Все это вместе взятое приводило нас, подзадаваемых пылом молодости, к заключению, — если мы не хотим задохнуться и погибнуть в этом затхлом болоте, необходимо вычеркнуть прошлое и начать все сначала. Прежде всего надо было самим разобраться в создавшемся положении.

Однако, как бдительно мы не оберегались инфекции от отцов, но по сути мы не оказались в состоянии оттолкнуться от старого. Мы понимали разложение и охотно пели реквием Западу. И все же, мы, изолированные от родины, как не стремились, не сумели поставить правильного диагноза и, главное, не поняли какое лекарство нужно было для лечения малярии, разъедающего старый мир. Ругая Советский Союз, мы даже не замечали, что, несмотря на все описываемые о нем ужасы, — а там действительно не все шло гладко, — все же наш народ обновлялся, молодец, утверждал жизнь и стремился к ней. Запад же, при его относительном покое и ожирелости, разлагался и катился в пропасть. Мы, измученные тоской по родине, до предела увлекались амулетами, созданными нами. То была попытка инъекции дорогому для нас смертельно больному, в надежде продлить ему жизнь.

В то же время мы расценивали события на родине, благодаря неясности на расстоянии, с раз навсегда принятых за догму непримиримых позиций.

Бесспорно, сказывалось на нас и воспитание. Я не буду распространяться о ярко выпуклых уродливостях. Лишь ради курьеза упомяну характерный, зафиксировавшийся у меня в памяти штрих.

В детском саду, где обучались эмигрантские дети, некая учительница дрессировала детей так: она спрашивала —

— Дети, где Бога нет? — Дети обязаны были хором отвечать:

— В России!